

Виктор Воронков

Этнические общины в большом городе и гражданское общество.

Здесь я хочу поделиться своими мыслями по поводу особенностей становления гражданского общества в процессе российской трансформации.

Во-первых, я хотел бы отметить что сегодня в России гражданское общество безусловно существует. В связи с наличием различных позиций по этому вопросу хотелось бы обратить внимание на *динамику дискуссии о гражданском обществе*. Если обратиться к опыту Венгрии или Польши, где эта тема была исключительно популярна в научной и политической дискуссии в 80-е годы, то хорошо заметно, как она постепенно исчезает из поля обсуждения в начале 90-х. Явно, что актуальность темы тесно связана с контекстом изменений, происходящих в обществе, а именно с процессом трансформации в Восточной Европе. Я предполагаю, что важный **показатель развитости гражданского общества - это дискуссия о гражданском обществе (разговоры о нем)**. Корреляция обратная: чем меньше о нем вспоминают, тем более оно развито.

В России интерес к теме развивался в процессе борьбы за перестройку общества, а пик его пришелся на конец 80-х (когда слова "гражданское общество" и "правовое государство" звучали как ритуальное заклинание и ассоциировались со светлым и достижимым будущим) и начало 90-х годов, когда вслед за публицистами к осмыслению феномена пришли социологи и политологи. Особый смысл дискуссии придавала именно ее включенность в борьбу с существовавшей системой. Как только был уничтожен государственный монополизм как ключевое препятствие на пути становления гражданского общества, и сама публичная дискуссия постепенно стала затихать. Это, на мой взгляд, самое яркое доказательство активного развития гражданского общества в России сегодня.

Наибольший интерес представляет сегодня наиболее важный начальный этап становления гражданского общества период перестройки. Важно проанализировать, как в течение последнего десятилетия проявлялся интерес к созданию свободных ассоциаций, и организовывалась коллективная деятельность по реализации этого интереса, как формирующиеся коллективные субъекты боролись с системой за право существовать и развиваться вне контроля государства. В данном случае нас интересует формирование этнических сообществ и их ассоциаций в С.-Петербурге.

Хотя по формальным признакам (по итогам переписи населения) в Петербурге около 10 процентам населения приписывается нерусская этничность, однако в реальности этническая идентичность имеет важное значение для очень немногих. Господствовавшая в течение десятилетий идеология сумела создать в принципе новую наднациональную общность "советский народ", что особенно заметно в крупных городах России. Этнические интересы почти не были выражены и не были организованы не столько потому, что это преследовалось государством, сколько из-за того, что этническая самоидентификация ушла далеко на второй план, уступив свое место идентичности "советский человек".

В тех случаях, когда наблюдались проявления этнического интереса, любые организованные его формы жестко контролировались государством. Однако можно отметить редкие попытки самоорганизации со стороны отдельных активистов этнических меньшинств и даже акции, проводимые с целью предъявить властям требования по поводу свободной реализации этнических интересов. До середины 80-х годов большая часть этой борьбы велась фактически в рамках диссидентского движения вообще.

С одной стороны, гражданского общества в СССР не существовало, поскольку не было свободы ассоциаций. Об этом говорит и тот факт, что легальные этнические организации не помышляли о независимом существовании и со всеми проблемами обращались исключительно

к государству, стремившемуся контролировать все сферы общественной деятельности.

С другой стороны, элементы гражданского общества, как сферы независимой от государства организованной деятельности, все же существовали либо нелегально, либо при молчаливом согласии власти закрыть глаза на часть неконтролируемой деятельности (например, часть теневой экономики, культурный андеграунд), то есть там, где власть была бессильна, либо контроль ее был неэффективен. Если говорить об этнических меньшинствах, то известно множество подпольных и полуполигальных организаций религиозного, культурного и даже политического характера в доперестроечные времена: семинары, кружки, общества взаимопомощи, фонды и просто основанные на этническом принципе сети социальных контактов.

Однако даже формирование мощного андеграунда, целого "второго общества", как это было в Польше, не позволяет говорить о существовании гражданского общества. Максимум, что можно по этому поводу утверждать, это то, что **в недрах системы вызревали отдельные элементы гражданского общества.**

Наш опыт исследования общественных движений и формирования этнических общин в Санкт-Петербурге позволяет описать роль этнических групп в становлении гражданского общества на уровне большого города. С этой точки зрения я бы выделил три этапа борьбы за свободные условия развития этнических общин:

- **дополитический** (до 1988 года, когда борьба за возможность реализовать свои этнические права носила полуподпольный характер и политической была в косвенном смысле);
- **политизированный** (1988-1991 годы, когда борьба за свободное развитие этнических общин была частью общего движения за разрушение системы);
- **правовой** (с 1991 года, когда этнические общины и их организации стали субъектами развивающегося гражданского общества в России).

Для исследователя особенно интересен период борьбы этнических меньшинств за право легализации общинной жизни вплоть до институционализации этнических движений в новых условиях открытого, быстро демократизирующегося общества.

По мере реформирования общества и ослабления репрессий за несанкционированные властями акции фактически началось формирование гражданского общества в стране. В 1987-88 годах мы наблюдали зачатки открытой борьбы за легализацию этнических организаций в Ленинграде. Эта борьба велась в рамках единого демократического движения, которое являлось самым значительным ресурсом для этнических общин, добивавшихся реализации собственных целей¹. Совпадение интересов на этом этапе позволило активистам демократического движения на время объединить усилия отдельных общин в рамках единой организации этнических меньшинств (ассоциация "Единство"), борющейся за право официальной регистрации каждой общины и предоставления ей помещения в общественных зданиях.

Действия городских властей в ответ на акции движения демонстрировали трудности на пути становления гражданского общества. Уступая постепенно на одних направлениях борьбы, власти пытались реваншироваться на других. Это особенно заметно по их реакции на артикуляцию этнических интересов. Когда игнорировать эти интересы становилось невозможным и вопрос о регистрации этнических обществ затягивать далее не удавалось, власти прибегали к разнообразным методам, позволявшим поддерживать контроль над возникающими организациями.

Интересно проанализировать репертуар этих методов. Я бы выделил следующие формы:

1. **Зубатовщина.** (Зубатов – один из руководителей московской полиции начала века, который понимал, что рабочее движение остановить не удастся. Поэтому он предложил властям самим инициировать создание рабочих организаций, чтобы их контролировать и канализировать энергию протеста в нужных направлениях). Ленинградские власти

предпринимали неоднократные попытки создать параллельные «штрейкбрехерские» организации, для чего обком КПСС специально готовил опытных функционеров, у которых, «по счастью», в паспорте была вписана нужная национальность. Затягивая регистрацию спонтанно возникших ассоциаций, власти немедленно пытались зарегистрировать ими созданные альтернативные организации и давали им всяческие льготы и помещения.

2. **Азефовщина.** (Азеф - руководитель боевой организации партии эсеров в начале века, который одновременно являлся агентом полиции.) Параллельно власти внедряли подготовленных активистов в возникающие организации и навязывали на роль руководителей людей, которые были лояльны и контролируемы.
3. ***Divide et impera*** или **луевщина** (политический принцип, приписываемый то Луи XI, то Макиавелли, то Бисмарку, хотя восходит, вероятно, еще к Древнему Риму). Власти инициировали всякого рода конфликты, внутри ряда общин удавалось добиться раскола. Власти поддерживали лояльные и аполитичные организации (например, фольклорные коллективы) и вели борьбу с не поддающимися контролю.

Однако успехи демократического движения в городе в целом не позволили властям добиться успеха в борьбе за контроль над этническими организациями. К 1991 году более двух десятков этнических общин в городе было так или иначе организовано и зарегистрировано. Их дальнейшее развитие, избежавшее прямого контроля и вмешательства со стороны властей, шло уже в рамках укрепляющегося гражданского общества.

Формирование этнических общин было тесно связано с процессом трансформации общества. Трансформация способствовала формированию новых интересов, которые могли быть реализованы именно в общинах. Отметим два важнейших фактора развития этнических организаций.

Во-первых, **поиск новых рациональных жизненных стратегий** в условиях, когда прежние стратегии стали неэффективными. Хотя, как я уже говорил, для подавляющего большинства советских людей этническая идентификация не играла почти никакой роли, выяснилось, что в ряде случаев этничность можно использовать инструментально как серьезный ресурс в кризисной ситуации.

Так, с одной стороны, возникающие этнические организации предоставляли своим членам **дополнительные шансы** при поиске эффективных стратегий выживания (этнизированные сферы экономической деятельности, создание новых рабочих мест внутри общины, связь с этнической родиной, помощь международных организаций, возможность эмиграции, этнические сети социальной помощи, выгоды положительной дискриминации и прочее).

С другой стороны, усиливающийся поток беженцев и переселенцев из бывших национальных республик в процессе постепенного распада СССР, рост числа мигрантов, приехавших в поисках работы, стимулировали развитие этнических общин как **инструмента интеграции** представителей иных культур в чуждую им общность.

Другой фактор развития этнических общин связан с **поисками новых идентичностей** в условиях, когда привычные идентичности разрушены. Прежние ассоциации, существовавшие в обществе, теряют наполнение и исчезают. Если же в обществе нет ассоциативных структур, которые его дифференцируют, то обычно в таких случаях важными становятся этнические коды. Тогда можно наблюдать развитие радикализма мышления и национализма. Национализм же блокирует процессы модернизации, поддерживая протекционизм, тормозя одновременно развитие гражданского общества². Выходом из этой ситуации может быть, в первую очередь, возникновение новых условий для многовариантной идентификации, когда, в зависимости от ситуации, каждый человек будет отождествлять себя с самыми различными ассоциациями.

Наконец, хочу отметить две особенности России, указывающие на трудности прямого

перенесения на российскую почву имеющихся на Западе представлений о формировании гражданского общества. Первая из них **отличает Россию от других стран Восточной Европы и постсоветских государств**. Национализм титульной нации в силу ряда исторических причин здесь практически не существует - русская нация не успела сформироваться, совершенно неясны границы не только русской этничности, но и самой России, русская идентичность слабо выражена и выступает лишь как имперская. Национализм же этнических меньшинств в российских городах носит чисто инструментальный характер в условиях поиска новых стратегий выживания. И этническая принадлежность здесь - только одна из возможностей помощи в ориентации наряду с другими. В этом преимущество России на пути к развитию гражданского общества.

Вторая особенность **отличает Россию от западных стран** в периоды их кризиса и связана с полным прерыванием связи между прежними и новыми ассоциативными структурами. Прежние идентичности в России неизбежно исчезают. Ассоциации советского общества были созданы государством или им жестко контролировались, носили, чаще всего, формальный характер. Здесь можно говорить о навязанной идентичности. Поэтому короткий период растерянности в обществе сменился удовлетворенностью по поводу разрушения прежней системы навязанных идентичностей и развития условий свободного выбора "мы-групп".

Отмеченные российские особенности, уменьшающие до минимума тормозящие развитие гражданского общества факторы, позволяют оптимистично оценивать его перспективы в России.

Примечания

¹В общем виде описание этого периода с позиций социологии общественных движений см.: Duka A., Kornev N., Voronkov V., Zdravomyslova E.

² Эти размышления Клауса Оффе имеют теоретический характер и в разной мере справедливы для постсоциалистического пространства, но не для России в силу особенностей ее этноисторического развития. См.: Offe C.

Использованная литература

1. Duka, A., Kornev, N., Voronkov, V., Zdravomyslova, E., "Protest cycle of perestroika: The case of Leningrad". International Sociology, 1995, Vol.10, March, pp.83-99.

2. Offe, C. der Tunnel am Ender des Lichts, Erkundungen der Politischen Transformation im Neuen Oster. Frankfurt am Main/new York, Campus, 1994.